

Феномен телесного перфекционизма как социокультурная патология

В. В. Парамонова

медицинский психолог, аспирант факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Основное внимание в статье уделено отечественным и зарубежным теоретическим представлениям о природе перфекционных тенденций. Освещены взгляды теоретиков и клиницистов на социокультурный вклад в формирование патопсихологической структуры перфекционизма. Автор поддерживает тенденцию рассматривать перфекционизм как феномен социокультурной патологии, имеющий корни в культуре нарциссизма и маркирующий рискованные в отношении развития пограничного самосознания группы. Перфекционизм понимается как синдром специфических потенциально деструктивных психологических особенностей. Растущий интерес к феномену перфекционизма и попытка его объяснения в различных социологических, этических, психологических и клинико-психологических моделях отражает пагубные для личности и социума культуральные и ценностные изменения. С опорой на тезисы культурно-исторической и деятельностной парадигм о единстве социально-психологических закономерностей нормального и аномального развития психики, о динамическом взаимодействии аффективных и когнитивных составляющих личности, а также с опорой на синдромный подход в статье сделана попытка описать специфичные для перфекционистов особенности образа Я, когнитивно-аффективного стиля, межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: искажение самоидентичности, когнитивно-аффективный стиль личности, культура нарциссизма, перфекционизм, социокультурная патология.

Термин «перфекционизм» используется для описания множества проблем, связанных с деятельностью высших достижений в различных областях жизни, и большинство профессионалов в сфере психического здоровья воспринимают его как психологически нездоровый феномен. Однако в современных теоретических подходах к проблеме стремления к совершенству существует известный дуализм: перфекционизм может пониматься как потенциальная сила, способная породить интенсивную фрустрацию и полное бессилие или же невероятную удовлетворенность собственной деятельностью и творческие достижения на новой ступени личностного развития, — в зависимости от направленности этой силы и качества черт личностного стиля, этой силе сопутствующих. Особый интерес к исследованию и разграничению нормальных и патологических перфекционных тенденций и связанных с ними кластеров психологических черт обусловлен запросом психологической практики в связи с большой распространенностью и пагубностью влияния «злокачественного» перфекционизма на здоровую личностную адаптацию.

Феноменологически перфекционные тенденции широко представлены в культуре нарциссизма, характерной для современной европоцентрированной ци-

вильзации. Под культурой нарциссизма понимается социокультурный строй, в котором преобладают ценности потребительских, манипулятивных отношений во всех областях жизнедеятельности. Нарциссическое общество организует управление людьми, подобно управлению вещами, бюрократизирует ценности культуры и секуляризирует верования с помощью науки. Посвящая себя осязаемым достижениям, оно постепенно стирает иллюзию смысла жизни, неуклонно продвигается к чувству разочарованности в мире, в окружающих людях и в себе [11; 15].

Для культуры нарциссизма характерны высокая скорость социально-политических и экономических изменений, нестабильность общественно продуцируемых эталонов качества жизни, яркость, широта и при этом парадоксальная поверхностность увлечений, эклектичность мировоззренческих позиций и нравственных образцов, которые в целом создают большой соблазн для восприимчивой публики и размывают внутриличностные генуинные нормы [10; 11; 26]. В нарциссической культуре ложных, искаженных представлений и эталонов наиболее ценными становятся видимые, поверхностные атрибуты силы, благополучия, красоты и успешности. Выставляемые на обозрение общественности, эти атрибуты

имеют своей функцией уменьшить невыносимые страдания из-за осознания собственного несовершенства, ограниченности в личностных, временных и пространственных (телесных) аспектах, а также снизить бытийную тревогу и создать иллюзию всемогущего контроля над своей жизнью во всей ее многогранности [10; 26; 38].

Для обоснования ценности, полноты, достоинства своей личности и утверждения чувства самоуважения наиболее очевидным в культуре нарциссизма становится путь достижения высот в сфере карьеры и внешности, т. е. в тех областях, которые находятся «на виду» у непосредственного социального окружения. Подобные ценности все чаще и более откровенно пропагандируются героями литературных произведений, кинофильмов и телевизионных передач. Вспомним хотя бы героинь фильмов «Пианистка», «Потому что я так сказала», «Дьявол носит Prada», персонажей романа «Обещание на рассвете» Ромена Гари и «Писем незнакомке» Андре Моруа, бесчисленных героев рекламных роликов, для которых «невозможное возможно», которые могут «всегда быть на высоте», слоганами которых являются: «Дорогу королю!», «Весь мир у Ваших ног», «Избранное для избранных», «Мода — это ты», «Первый среди равных», «Безупречная чистота надолго», «Совершенство формы и содержания», «А что делаешь ты, чтобы быть безупречной?». Названия магазинов и марок одежды «Его», «Perfetta», «Egoist», «Topman», «Topshop» говорят сами за себя. Людями, подчиняющими жизнь нарциссическим ценностям, властвуют маниакальные, не знающие границ реальности, желания иметь прекрасное образование и образцово применять его в профессиональной деятельности. Они вожделяют быть безукоризненными в общении и производить на окружающих впечатление безупречных, «положительных во всех отношениях» людей. Они жаждут иметь идеальное, обожествляемое тело. Но при этом колоссальные требования, обращенные к себе, уравниваются неохватными и трудно реализуемыми объект-ориентированными требованиями [35; 36; 38]. Реальная жизнь со всеми ее неопределенностями, несовершенствами, комедийными и трагическими двусмысленностями оказывается невозможной в подобных стерильных, ригидно-затвердевших условиях.

Таким образом, средства массовой коммуникации, освещающие жизнь «сильных мира сего», современная литература и киноискусство способствуют формированию особых ценностей, установок и моделей поведения, которые становятся достоянием индивидуального сознания и создают психологическую предрасположенность или уязвимость к эмоциональным и личностным расстройствам. Непомерно разросшиеся и, по сути, нездоровые культы успеха и достижений, силы и конкурентности, рациональности и сдержанности, характерные для нашей современной культуры, рождают феномен, который отечественные исследователи А. Б. Холмогорова и Н. Г. Гараян назвали «эффектом обратного действия сверхценной установки» [31, с. 70]. Согласно этим авторам, культ успеха и достижения (при его

завышенной значимости) ведет к депрессивной пассивности, культ силы — к тревожному избеганию и ощущению беспомощности, культ рациональности — к накоплению эмоций и разрастанию их физиологического компонента.

По мнению ряда авторов, перфекционизм в своей здоровой форме может «обслуживать» поведенческий аспект «Я-концепции», т. е. самоутверждение. С точки зрения Е. П. Никитина и Н. Е. Харламенковой, самоутверждение представляет собой одну из стратегий усиления Я, придания ему силы, поддержания значимости. Для любого человека в большей или меньшей мере свойственна некоторая уязвимость в отношении того, кем он является и насколько ценным себя чувствует. Люди прибегают к разным способам поддержания значимости своего Я, чтобы чувствовать удовлетворение от собственной личности. Это могут быть идеализация и идентификация, в одном случае, проекция и обесценивание — в другом, самореализация — в третьем [16]. Однако другой отечественный автор, В. А. Жмуров, относит перфекционизм к сфере психопатологии воли и определяет его, как избыточный уровень мотивации, когда индивидуум ставит себе сверхзадачи. Результаты деятельности перфекциониста чаще всего оказываются ничтожными, потому что недостижимые цели парализуют активность, вызывают боязнь неудач, страх перед действием и не приносят удовлетворения от реально достигнутого.

В условиях современной социальной жизни актуальным становится вопрос о более глубоком научном понимании генеза, психологической структуры и построения прогноза роста патологических, или дезадаптивных, перфекционных тенденций. Выявление и изучение данных феноменов является необходимым для развития как психологической диагностики, так и практики коррекции и терапии синдрома «злокачественного» перфекционизма, который сопутствует депрессивным, тревожным, соматоформным расстройствам, нарушениям пищевого поведения, нарциссической и пограничной патологиям личности, и в конечном счете является зародышем возможного личностного краха [17; 18; 21; 23].

Первые исследования проблемы перфекционизма по большей части включали клинические выборки, результатом чего явилось смещение теоретических представлений на негативистичное восприятие данного феномена и его рассмотрение в рамках патологического личностного развития [36; 41; 42]. В последних исследовательских работах делаются попытки различения аспектов перфекционизма на базе возможных его последствий (как для самой личности-носителя, так и для ближайшего окружения), а также разделения его позитивных и негативных атрибутов, что, безусловно, является оппозицией «зауженной» концепции патологического, или «невротического» [36] перфекционизма. Таким образом, новая эпистемология позволяет взглянуть на феномен перфекционизма как на многомерное, синдромное личностное образование.

Наряду с социокультурной и клинико-психологической актуальностью исследований в данной об-

ласти значимым является и экзистенциально-философский контекст проблемы перфекционизма. Исследователю, рассматривающему феномен перфекционных тенденций с диалектической точки зрения, открываются как его положительные, лично полезные, так и отрицательные, разрушающие личность грани. Перфекционизм является сложным синдромным образованием, в котором тонкая грань отделяет логику развития, достижения, творческой активности, азарта, сохранения способности к сотрудничеству и к человеческим отношениям истинной привязанности от глубочайшего личностного сужения, «возврата либидо к Я», поворота всей психической активности, всех ресурсов, сил, заинтересованности на себя и достижения собственных ригидных устремлений при неизменном отсутствии ощущения удовлетворения [17; 23; 26].

К настоящему моменту в научном понимании термин «перфекционизм» (от лат. *perfectio* — совершенство) означает стремление предъявлять к себе, к окружающим и к жизни вообще весьма высокие требования и следовать самым высоким стандартам. Перфекционизм — это безудержное стремление к идеалу, а крайние перфекционисты — люди, которые хотят быть безупречными во всех аспектах своей жизни. Первые теоретические разработки в области перфекционных тенденций были сделаны в середине прошлого столетия американским социальным психоаналитиком Карен Хорни [32]. Однако истоки изучения феномена лежат в психоаналитических концепциях Зигмунда Фрейда и Альфреда Адлера.

В рамках теории А. Адлера можно говорить о патологическом перфекционизме как о стремлении к «фиктивной цели личностного превосходства...и идеалу какого-либо совершенства и безгрешности» [12, с. 151]. Центральными понятиями в его концепции были «комплекс неполноценности» и «гиперкомпенсация неполноценности», которые служили либо двигателем развития, социализации личности, либо их результатом был уход от полноценного межличностного сотрудничества и избегание истинных эмоциональных привязанностей.

Стремление к личной власти А. Адлер представлял как форму конкретизации стремления к совершенству, а искушение безграничного стремления к совершенству — особенно актуальным в нашей культуре. Для современного человека открываются бесчисленные соблазны новых линий саморазвития: образовательные структуры, клубы и центры по телесному совершенствованию (от косметологических и фитнес-центров до клиник пластической хирургии), растущее число увлечений, меняющийся мир моды. Адлер постулирует нарушение ценностно-смысловой сферы у патологического перфекциониста и подмену базового для человеческого индивида чувства общности личным индивидуализмом. Он делает явной всю ошибочность такой подмены, в результате которой разрушаются или становятся поверхностными социальные отношения и развивается паралич созидующих ценностных сил.

Карен Хорни, исследовавшая «невротическую личность нашего времени», выявила несколько клю-

чевых характеристик личности с патологическим перфекционизмом [32]. Хронически плохое настроение, стагнацию личностного развития и самоотчуждение она рассматривала как негативные последствия тщетных усилий человека воплотить «идеализированный образ Я» в реальность. Она говорила о принципиальной ненасыщаемости перфекционистских потребностей в любви и одобрении, в поддержке, потребности властвования, лидерства, в публичном восхищении и признании [17].

Для того чтобы справиться с личностным разладом, носитель патологического перфекционизма делает попытку следовать неким искусственно порожденным идеализированным образам-идолам. «В отличие от подлинных идеалов, идеализированные образы имеют качество статичности. Это не цель, к достижению которой он/она стремится, но фиксированная идея, которой служат и поклоняются» [32, с. 98]. Таким образом, личные стандарты при «злокачественном» перфекционизме отличаются ригидностью, жесткостью, а следовательно, крайней неадаптивностью. У идеализированного Я (в частности телесного) нет дефектов и, следовательно, оно недостижимо в реальности. Каждый раз, когда выполнение задачи на воплощение идеала оканчивается неудачей, в человеке утверждается неудовлетворенность собой, смешанная с ощущением чувства собственной ничтожности и ущербности, и стремление разрушить себя или как минимум нанести себе вред. Когда же поставленная завышенная цель достигается, закрепляется неадекватный, потенциально губительный для личности коммуникативно-поведенческий паттерн подтверждения своей ценности и углубляется чувство отчуждения от истинного Я.

Разрабатывавший теорию объектных отношений в ее приложении к клинической ситуации Отто Кернберг был убежден, что патология личности определяется теми психическими структурами, которые возникают под влиянием аффективного опыта взаимодействия с ранними значимыми объектами [9]. Кернберг показал, что Я человека состоит из различных репрезентаций себя и своих объектов и связывающих их аффективных состояний. «Расколотое» самосознание при патологическом нарциссизме состоит из двух Я: внешнего — защитно идеализированного, фальшивого, грандиозного, и глубинного — пустого, неразвитого, неэффективного. Грандиозное Я постоянно подпитывается, ревностно охраняется и изошренно усиливается: человек с синдромом телесного перфекционизма презентует другим свое «внешнее грандиозное Я», свое идеальное холеное, молодое и подтянутое тело, над которым проводятся, как над неким овеществленным объектом, ухаживающие косметические и изнуряющие спортивные процедуры. Но пропасть между видимостью, поддерживающей имидж успешного и во всех отношениях сильного человека, и его самоощущением огромна [8; 9; 12; 17; 26]. Идеальный образ Я находится под постоянной угрозой разрушения и потери своей грандиозности, что приводит к эмоциональному «выгоранию» и повторяющемуся переживанию травматического чувства унижения и поражения [9; 17; 22; 23].

Феномен перфекционизма исследовался также в контексте архетипических образов в юнгианской психоаналитической школе. Мэрион Вудман в своей книге «Страсть к совершенству. Юнгианское понимание зависимости» рассматривает перфекционизм как «навязчивую одержимость» [4, с. 15], сужающую жизнь до предела и являющуюся одним из порождающих зависимое поведение фактором. Автор описывает Я зависимого человека, с одной стороны как, «умершее для внешнего мира», с другой — как «сверхчувствительное к воздействию внешнего мира», не имеющее возможности обособиться от него, так как нуждается в эмоциональной «пище» и в указании направления развития [4, с. 15]. Нарциссический перфекционист сосредоточен на поддержании самоуважения, на контроле за тем образом, который возникает у его ближайшего окружения, и при этом он болезненно зависим от того, каким его увидят и какую оценку ему дадут другие. Гипертрофированная откликаемость на мнения окружающих порождается отсутствием собственной стабильной «системы координат», по которой можно ориентироваться в мире. У Я перфекциониста нет собственной системы ценностей, все время его безупречно скрывают маски, или Персона, которые он меняет в зависимости от смены социальных ролей, приверженности тому или другому религиозному, политическому, профессиональному течению. Мэрион Вудман видит влияние этих коллизий на соматический пласт: безумные, чуждые ритмы продолжают владеть телом и бытием индивида, уподобляя их телу и бытию измученного волка. Вудман считает, что Эго «жертвы волчьего синдрома» [4, с. 16] находится во власти Демона, истязавшего самого человека с синдромом нарциссического перфекционизма, заставляющего мучить значимых Других, требующего совершенства мира, совершенной деятельности, совершенного тела.

Известный американский психоаналитик Сидни Блатт описывает жизненную драму перфекциониста, личностная структура которого формируется в детстве в аномальных семейных условиях. Глубоко коренящееся чувство неполноценности и уязвимости ввергает человека в бесконечный цикл саморазрушения, в котором любая задача или начинание становится очередным угрожающим вызовом. Никакое усилие никогда не бывает достаточным, поскольку индивид постоянно ищет одобрения, принятия и отчаянно старается избежать ошибок и неудач. Любые затрагивающие самооценку обстоятельства порождают интенсивный негативный аффект и дистресс [5; 6]. Таким образом, люди с синдромом нарциссического перфекционизма «очень чувствительны к тому, как к ним относятся; малейшая критика ранит их, особенно если попадает по больному месту. Они...походят на больного, чья рана зарубцевалась, но при малейшем прикосновении причиняет боль» [14, с. 395].

Современный психотерапевт, консультант и теолог, специалист в области дисфункциональных семей и психотерапии травм детства Джон Бредшоу описывает феноменологию «раненого» погранично-нарциссического самосознания, рожденного различными видами насилия, с помощью термина «ядови-

тый стыд». «Ядовитый стыд» — чувство собственной ущербности, недостаточности, неадекватности. Переносить этот стыд гораздо тяжелее, чем вину. Вину чувствуют, когда что-то плохое тобой сделано, но это можно исправить, загладить. «Ядовитый стыд» убеждает, что это ты — плохой, и с этим уже ничего не поделаешь. Ты неадекватный и ущербный. «Ядовитый стыд» поражает самую сердцевину раненого ребенка», — пишет Джон Бредшоу в книге «Возвращение домой» [3, с. 10].

В своей монографии «Психоаналитическая теория неврозов» Отто Фенихель, известный психоаналитик середины XX в., устанавливает связь между перфекционными тенденциями и социальной тревогой. Автор утверждает, что стремлению к совершенству неизменно сопутствует постоянный страх подвергнуться критике, остракизму, или наказанию, и чувство стыда [30]. Фенихель также подчеркивает, что для перфекционистов характерны повышенное внимание к реакциям окружающих на собственный облик и поведение, гипербдительность, которые обусловлены автоматизированными ригидными реакциями Суперэго и неполным установлением принципа реальности. На нарушение чувства реальности, по Фенихелю, указывает неспособность предвидеть другие возможные реакции окружения, кроме осуждения, осмеяния, отказа в общении, наказания. Е. Т. Соколова считает, что сюда можно также отнести неспособность находить альтернативные объяснения поведения других, а также разделять значимые и несущественные характеристики людей, явлений и ситуаций [17].

Другим современным автором, который связывает перфекционные тенденции с процессом идеализации и феноменологией чувства стыда и эдиповым конфликтом, является американский клинический психоаналитик Бенджамин Килборн [39]. В своей книге «Исчезающие люди. Стыд и внешний облик» автор описывает людей, скованных стыдом своего человеческого несовершенства (в частности явных или мнимых телесных дефектов), не имеющих определенной концепции добра и зла и не умеющих избавиться от тоски своего существования.

Килборн развивает идеи авторов, связывавших стыд с нарциссизмом, как защиту от нарциссических ран, а также как выражение нехватки и недостатка. Личности с патологическими перфекционными тенденциями, не выдерживая краха идеализированных образов и травм столкновения с реальностью, обрекают себя на круговорот стыда, обмана и гнева. И все более они становятся одержимыми нарциссическими фантазиями о своем внешнем облике, видимом социальном статусе и тревогой по поводу собственного разоблачения. К примеру, для одной из пациенток Килборна «потерять лицо» означало утрату образа понятного мира и своего собственного бытия и, следовательно, чувство уничтожающей дезорганизации и изоляции [39].

Патологические перфекционные тенденции могут рассматриваться в связи с их отношением к психологическим границам, в частности с восприятием «границ образа тела». «Границы образа тела» при

этом понимаются в разных функциональных аспектах: в аспекте дистанцированности или «слипания» с внешним объектом, как целостность, защищенность или проницаемость, уязвимость для интерферирующих воздействий, как зависимость или самостоятельность, сепаратность, «отдельность», как чувство телесного комфорта или дискомфорта [7; 17].

В ходе жизни субъекта происходит разнонаправленный процесс формирования границ Я. Структурообразующими при этом являются три универсальных открытия собственной ограниченности, которые совершает любой человек в ходе нормального развития [7; 8]. Эти болезненные для субъекта открытия способствуют определению и стабилизации чувства собственного Я: 1) осознание существования Другого и принятие собственной отдельности от Другого; 2) принятие собственной однополюсности; 3) принятие собственной конечности, смертности.

Однако патологическое развитие самосознания и самоидентичности прямо выражается в трудности интеграции и целостного, непротиворечивого восприятия личностных границ. Большое упрощение полагают, что при нарушении личностной целостности и интегрированности идентичность может оставаться интактно сохранной. Е. Т. Соколова и Н. С. Бурлакова считают маловероятным, чтобы поражение самого «фундамента» связанного и устойчивого переживания Я, где совершается интеграция биологических и социальных основ человеческого существования, не влекло за собой глобальных последствий [20; 21]. Феноменологически подобная дезинтеграция может выражаться в различных манипуляциях с собственным телом в виде похудения при нервной анорексии и ритуального очищения при нервной булимии, в обращениях к пластическому хирургу с целью коррекции внешности или изменения пола и т. д.

Частые и радикальные изменения внешности могут быть поняты в контексте непостоянства личности и диффузности самоидентичности субъекта. Согласно Сидни Блатт [1], радикальные изменения внешности могут быть возможными проявлениями отсутствия последовательного ощущения себя как отдельной личности. Целостность, последовательность и дифференцированность разных аспектов самосознания, а также способность к самосознанию в целом у таких субъектов незначительны и расшатаны [1]. Они склонны к произвольным потерям понимания себя как отдельной целостной личности, не имеют возможности отстраниться и взглянуть на себя со стороны. Вследствие этого закономерно предположить, что люди с размытым видением своей личности при оформлении собственной внешности будут опираться на интерферирующие внутренние и внешние воздействия (эмоциональное состояние, социальный стереотип, требования значимых других и т. д.).

Феномен перфекционизма непосредственно сталкивает исследователей и психологов-теоретиков с философскими, социальными и клиничко-психологическими проблемами безудержной трансгрессии, нарушения и размывания границ (личностных, временных, телесных), с проблемой искажения нравствен-

но-этической сферы, результирующей во вседозволенности и ложном понимании личной свободы и ответственности [17; 20; 26; 27]. Проблема расширения границ человеческих возможностей до иллюзии полного всемогущества связана с достижениями науки, юридическими изменениями прав человека, социально-политическими пертурбациями в современном мире. За последний век «человек постиг больше секретов природы, чем наши предки за двадцать тысяч лет; он открыл такие богатые источники энергии и стал таким могущественным, что собственная сила может его погубить; он исследует космос и плавает в межпланетном пространстве; он летает над землей из города в город со скоростью в три раза больше, чем скорость звука; он строит машины, которые считают и планируют лучше, чем человеческий мозг» [14, с. 398]. Однако эти открытия и изменения говорят о могуществе человека, а не о его всемогуществе. Но именно стремление поддерживать ощущение всемогущества и всестороннего совершенства характерно для современного феномена патологического перфекционизма.

Таким образом, растущий интерес к феномену перфекционизма и попытка его объяснения в различных социологических, этических, психологических и клиничко-психологических моделях отражают общественные культуральные и ценностные изменения. Исследование социальных ценностей россиян в 1990-е гг. позволило получить ряд новых, интересных в теоретическом и прикладном отношении данных об установках, идеалах и целях представителей ряда основных социальных групп [10; 13]. Социальные преобразования в современной России вызвали существенные изменения условий жизни, общественной структуры, пропагандируемых целей, установленных норм, положения, поведения и убеждений большинства активных социальных субъектов. Возникли новые социальные организации и институты, стала утверждаться новая ценностно-нормативная система, достаточно «непрозрачная» для однозначной трактовки. В современном обществе наблюдается тенденция широкого распространения внесемейных ценностных ориентаций, способов самореализации во всех сферах жизнедеятельности, исключая семейную. Это выражается и в том, что в настоящее время все больше людей испытывают потребность в замещающих семейные ценности ценностях и объектах.

В условиях трансформации российского общества происходят преобразования ценностных установок социокультурной, политической, макро- и микросоциальной сфер, которые проявляются в возрастающей индивидуализации жизни человека и процессе оттеснения и замещения в российской ментальности общественных ценностей ценностями индивида. В такой ситуации перфекционизм, которому сопутствуют нестабильность самоидентичности, повышенная откликаемость на сдвиги в психологическом поле, недифференцированность когнитивных процессов и превалирование эмоциональных способов реагирования, распад связности и согласованности образа Я, высокая подверженность саморазруше-

нию, является распространенным ответом на продуцируемые в обществе социокультурные изменения. Перфекционизм ориентируется при этом на ценностные эталоны современной европоцентрированной цивилизации.

Нам представляется важным в завершение отметить, что патологические перфекционные тенденции выходят за рамки навязываемых социальными институтами (телевизионными рекламными агентствами, киноискусством, спортивными центрами, клиниками пластической хирургии) образов безупречных людей и непосредственно воспринимаются рискованными в отношении развития пограничной личностной патологии. В настоящее время

перфекционизм является своеобразным игром, религией XXI в., культом современного человечества, который объединяет сообщества индивидов, стремящихся к совершенству. Катастрофичность данной социальной ситуации занимает специалистов в области клинической психологии, образования и медицины. В связи с этим необходимо подчеркнуть научную и практическую значимость развития психодиагностического инструментария и феноменологических критериев выявления людей с патологическими перфекционными тенденциями для своевременного проведения процедур системной медико-психологической реабилитации и коррекции.

Литература

1. Алкемайер Т. Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки // Журнал «Логос». 2006. № 3.
2. Братусь Б. С., Зейгарник Б. В. Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980.
3. Бредшоу Д. Имя мне — Ядовитый Стыд // Журнал «Урания». 1999. № 2.
4. Вудман М. Страсть к совершенству. Юнгианское понимание зависимости. М., 2006.
5. Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б., Юдеева Г. Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 4.
6. Гаранян Н. Г. Перфекционизм и психические расстройства (обзор зарубежных эмпирических исследований) // Научно-практический журнал «Терапия психических расстройств». 2006. № 1.
7. Дорожевец А. Н., Соколова Е. Т. Исследования образа физического Я: некоторые результаты и размышления // Телесность человека: междисциплинарные исследования. М., 1993.
8. Зимин В. А. Функция трансгрессии. Проблема нарушения границ между полами и поколениями на материале фильма П. Альмодовера «Всё о моей матери» // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 2.
9. Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности. М., 2001.
10. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / Под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М., 1994.
11. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М., 2001.
12. Марсон П. 25 ключевых книг по психоанализу. Урал, 1999.
13. Модернизация в России и конфликт ценностей / Под ред. С. Л. Матвеевой. М., 1994.
14. Мориа А. Письма незнакомке. М., 2004.
15. Московичи С. Машина, творящая богов / Пер. с фр. Т. П. Емельяновой. М., 1998.
16. Никитин Е. П., Харламенкова Н. Е. Феномен человеческого самоутверждения. СПб., 2000.
17. Соколова Е. Т. Изучение личностных особенностей и самосознания при пограничных личностных расстройствах // Соколова Е. Т., Николаева В. В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М., 1995. Часть I.
18. Соколова Е. Т., Чечельницкая Е. П. О метакоммуникации в процессе проективного исследования пациентов с пограничными личностными расстройствами // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 3.
19. Соколова Е. Т., Ильина С. В. Роль эмоционального опыта жертв насилия для самоидентичности женщин, занимающихся проституцией // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5.
20. Соколова Е. Т., Бурлакова Н. С., Лэонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6.
21. Соколова Е. Т., Бурлакова Н. С. Связь феномена диффузной гендерной идентичности с когнитивным стилем личности // Вопросы психологии. 2002. № 3.
22. Соколова Е. Т., Чечельницкая Е. П. Психология нарциссизма. М., 2001.
23. Соколова Е. Т. Человек-нарцисс: портрет в современном социокультурном контексте // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований / Под ред. А. Журавлева, Н. Тарабриной. М., 2003.
24. Соколова Е. Т., Сотникова Ю. А. Связь психологических механизмов защиты с аффективно-когнитивным стилем личности у пациентов с повторными суицидальными попытками // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2006. № 2.
25. Соколова Е. Т., Коршунова А. Р. Аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений Я-Другой у лиц с суицидальным поведением // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 4.
26. Соколова Е. Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. № 1.
27. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983.
28. Тхостов А. III. Психология телесности. М., 2002.
29. Уроки французского психоанализа / Под ред. П. В. Качалова, А. В. Рассохина. М., 2007.
30. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2005.
31. Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Эмоциональные расстройства и современная культура: на примере соматоформных, депрессивных и тревожных расстройств // Московский психотерапевтический журнал. 1999. № 2.
32. Хорни К. Самоанализ. М., 2002.
33. Энциклопедия глубинной психологии / Пер. и науч. ред. А. Н. Боковиков: В 4 т. М., 2002.

34. *Bardone-Cone A. M., Wonderlich S. A., Frost R. O. et al.* Perfectionism and eating disorders: Current status and future directions // *Clinical Psychology Review*. 27 (3). Apr 2007.
35. *Encyclopedia of Psychology* / Ed. Allan E. Kazdin. Oxford, 2000.
36. *Hamachek D.* Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // *Psychology*. 1978. Vol 15.
37. *Handbook of Sport Psychology* / Robert N. Singer at al. N.-Y., 2001.
38. *Hewitt P., Flett G.* Perfectionism in the Self and Social context: conceptualisation, assessment and association with psychopathology // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. V. 60. № 3.
39. *Kilborne B.* Disappearing Persons: Shame and Appearance. Albany, 2002.
40. *Mann M. P.* The adverse influence of narcissistic injury and perfectionism on college students' institutional attachment // *Personality and Individual Differences*. 2004. V. 36 (8).
41. *Pacht R.* Reflections on perfection // *American Psychologist*. 1984. V. 39.
42. *Perfectionism. Theory, Research and Treatment* / Ed. by G. L. Flett and P. L. Hewitt. Washington, 2002.
43. *Shafran R., Mansell W.* Perfectionism and psychopathology: a review of research and treatment // *Clinical Psychology Review*. V. 21 (6). Aug. 2001.

The Phenomenon of Perfectionism as Socio-Cultural Pathology

V. V. Paramonova

Medical Psychologist, Post-Graduate Student, Department of Psychology, M.V. Lomonosov Moscow State University

This article focuses on domestic and foreign theoretical ideas about the nature of perfectionism tendencies. The views of theorists and clinicians on the socio-cultural contribution to the pathopsychological structure of perfectionism formation are described. The author supports the tendency to consider perfectionism as a phenomenon of socio-cultural pathology that has roots in the culture of narcissism and that marks the risk-groups in regard to borderline identity development. Perfectionism is seen as a specific syndrome of potentially destructive psychological features. The growing interest in the phenomenon of perfectionism and attempts to explain it using various sociological, ethical, psychological and clinical-psychological models reflects the cultural and axiological changes harmful to the individual and society. On the basis of main ideas of cultural-historical and activity paradigms on the unity of the social and psychological aspects of normal and abnormal development of the psyche, on the dynamic interaction of affective and cognitive components of personality as well as on the syndromic approach we make an attempt to describe the specific for perfectionists features of the Self image, cognitive-affective style and interpersonal interaction.

Keywords: deformation of self-identity, cognitive-affective style of personality, culture of narcissism, perfectionism, socio-cultural pathology.

References

1. *Alkemajer T.* Sociologija sporta. Telesnye praktiki subjektivacii i samoinscenirovki // *Zhurnal «Logos»*. 2006. № 3.
2. *Bratus' B. S., Zejgarnik B. V.* Oчерки po psihologii anomal'nogo razvitiya lichnosti. M., 1980.
3. *Bredshou D.* Imja mne — Jadovityj Styd // *Zhurnal «Uranija»*. 1999. № 2.
4. *Vudman M.* Strast' k sovershenstvu. Jungianskoe ponimanie zavisimosti. M., 2006.
5. *Garanjan N. G., Holmogorova A. B., Judeeva G. Ju.* Perfekcionizm, depressija i trevoga // *Moskovskij psihoterapevtičeskij zhurnal*. 2001. № 4.
6. *Garanjan N. G.* Perfekcionizm i psihicheskie rasstrojstva (obzor zarubežnyh jempiričeskich issledovanij) // *Nauchno-praktičeskij zhurnal «Terapija psihicheskich rasstrojstv»*. 2006. № 1.
7. *Dorozhevec A. N., Sokolova E. T.* Issledovanija obraza fizičeskogo Ja: nekotorye rezul'taty i razmyshlenija // *Telesnost' čeloveka: mezhdisciplinarnye issledovanija*. M., 1993.
8. *Zimin V. A.* Funkcija transgressii. Problema narushenija granic mezhdru polami i pokolenijami na materiale fil'ma P. Al'modovera «Vsjo o moej materi» // *Zhurnal praktičeskoj psihologii i psihoanaliza*. 2003. № 2.
9. *Kernberg O.* Agressija pri rasstrojstvah lichnosti. M., 2001.
10. *Krizisnyj socium. Nashe obvestvo v treh izmerenijah* / Pod red. N. I. Lapina, L. A. Beljaevoj. M., 1994.
11. *Mak-Vil'jams N.* Psihoanalitičeskaja diagnostika. M., 2001.

12. *Marson P.* 25 ključevyh knig po psihoanalizu. Ural, 1999.
13. Modernizacija v Rossii i konflikt cennostej / Pod red. S. L. Matveevoj. M., 1994.
14. *Morua A.* Pis'ma neznakomke. M., 2004.
15. *Moskovichi S.* Mashina, tvorjavaja bogov / Per. s fr. T. P. Emel'janovoj. M., 1998.
16. *Nikitin E. P., Harlamenkova N. E.* Fenomen chelovecheskogo samoutverzhdenija. SPb., 2000.
17. *Sokolova E. T.* Izuchenie lichnostnyh osobennostej i samosoznaniya pri pogranichnyh lichnostnyh rasstrojstvah // Sokolova E. T., Nikolaeva V. V. Osobennosti lichnosti pri pogranichnyh rasstrojstvah i somaticheskikh zabojevanijah. M., 1995. Chast' I.
18. *Sokolova E. T., Chechel'nickaja E. P.* O metakommunikacii v processe proektivnogo issledovanija pacientov s pogranichnymi lichnostnymi rasstrojstvami // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 1997. № 3.
19. *Sokolova E. T., Il'ina S. V.* Rol' jemocionil'nogo opyta zhertv nasilija dlja samoidentichnosti zhenwin, zanimajuhihsja prostituciej // Psihologicheskij zhurnal. 2000. T. 21. № 5.
20. *Sokolova E. T., Burlakova N. S., Leontiu F.* K obosnovaniju kliniko-psihologicheskogo izuchenija rasstrojstva gendernoj identichnosti // Voprosy psihologii. 2001. № 6.
21. *Sokolova E. T., Burlakova N. S.* Svjaz' fenomena difuznoj gendernoj identichnosti s kognitivnym stilem lichnosti // Voprosy psihologii. 2002. № 3.
22. *Sokolova E. T., Chechel'nickaja E. P.* Psihologija narcisizma. M., 2001.
23. *Sokolova E. T.* Chelovek-narciss: portret v sovremenom sociokul'turnom kontekste // Psihologiya. Sovremennye napravlenija mezhdisciplinarnyh issledovanij / Pod red. A. Zhuravleva, N. Tarabrinovoj. M., 2003.
24. *Sokolova E. T., Sotnikova Ju. A.* Svjaz' psihologicheskikh mehanizmov zavity s affektivno-kognitivnym stilem lichnosti u pacientov s povtornymi suicidal'nymi popytkami // Vestn. Mosk un-ta. Ser. 14 Psihologija. 2006. № 2.
25. *Sokolova E. T., Korshunova A. R.* Affektivno-kognitivnyj stil' reprezentacii otnoshenij Ja-Drugoj u lic s suicidal'nym povedeniem // Vestn. Mosk un-ta. Ser. 14. Psihologija. 2007. № 4.
26. *Sokolova E. T.* Narcissizm kak klinicheskij i sociokul'turnyj fenomen // Voprosy psihologii. 2009. № 1.
27. *Stolin V. V.* Samosoznanie lichnosti. M., 1983.
28. *Thostov A. Sh.* Psihologija telesnosti. M., 2002.
29. Uroki francuzskogo psihoanaliza / Pod red. P. V. Kachalova, A.V. Rassohina. M., 2007.
30. *Fenihel' O.* Psihoanaliticheskaja teorija nevrozov. M., 2005.
31. *Holmogorova A. B., Garanjan N. G.* Jemocional'nye rasstrojstva i sovremennaja kul'tura: na primere somatofornnyh, depressivnyh i trevozhnyh rasstrojstv // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 1999. № 2.
32. *Horni K.* Samoanaliz. M., 2002.
33. Jenciklopedija glubinoj psihologii / Per. i nauch. red. A. N. Bokovikov: V 4 t. M., 2002.
34. *Bardone-Cone A. M., Wonderlich S. A., Frost R. O. et al.* Perfectionism and eating disorders: Current status and future directions // Clinical Psychology Review. 27 (3). Apr 2007.
35. Encyclopedia of Psychology / Ed. Allan E. Kazdin. Oxford, 2000.
36. *Hamachek D.* Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism // Psychology. 1978. Vol 15.
37. Handbook of Sport Psychology / Robert N. Singer at al. N.-Y., 2001.
38. *Hewitt P., Flett G.* Perfectionism in the Self and Social context: conceptualisation, assessment and association with psychopathology // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. V. 60. № 3.
39. *Kilborne B.* Disappearing Persons: Shame and Appearance. Albany, 2002.
40. *Mann M. P.* The adverse influence of narcissistic injury and perfectionism on college students' institutional attachment // Personality and Individual Differences. 2004. V. 36 (8).
41. *Pacht R.* Reflections on perfection // American Psychologist. 1984. V. 39.
42. Perfectionism. Theory, Research and Treatment / Ed. by G. L. Flett and P. L. Hewitt. Washington, 2002.
43. *Shafran R., Mansell W.* Perfectionism and psychopathology: a review of research and treatment // Clinical Psychology Review. V. 21 (6). Aug. 2001.